

Луи Тренар

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ВОЛЬТЕРА

Французский ежегодник 1979

М.: Наука. 1981. С.166-186

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на тематические материалы - в конце файла

В связи с двухсотлетием со дня смерти Вольтера много говорят о влиянии, широком распространении, богатстве, современности, актуальности мыслей этого писателя эпохи Просвещения. В нем видят то одного из провозвестников французской революции, то реформатора, который якобы смог бы спасти монархию, то друга просвещенных деспотов. «Вольтер — это 1789 г.», — утверждает Виктор Гюго в своих «Заметках об Уильяме Шекспире».

Все же в одном отношении были высказаны оговорки: демографические, социальные и экономические теории патриарха из Ферне будто бы лишены связности, оригинальности и глубины¹. Далекие от стремления реабилитировать Вольтера, мы ставим себе целью рассмотреть на основании его действий и сочинений его социально-экономические концепции.

* * *

Если мы обратимся к «Философскому словарю» Вольтера (1764), то слово «экономия» «означает в общепринятом смысле лишь способ управлять своим имуществом; это дело отца семейства и суперинтенданта финансов королевства». Затем упоминаются случаи, которые не входят в понятие «экономия»: «семейные и дворцовые неурядицы, несправедливые и дурно веденные войны, меч Фемиды, вложенный в руки палачей, дабы они губили невинных, междоусобицы — все это чуждо экономии». Таким образом, Вольтер, по-видимому, понимает политическую власть как независимую от социальных сил, что может показаться странным.

Его представления об экономии, о демографии, об обществе часто основаны на его собственном опыте. В отличие от нуждавшегося Дидро и от плебея Руссо Вольтер умеет вести свои собственные дела, не пренебрегает богатством, охотно рассуждает об экономии. Он, вероятно, обязан этим своему пребыванию в Англии и знакомству с некоторыми сочинениями, например с трактатом Франсуа Мелона.

В течение всей своей жизни он выигрывает большие суммы в лотерею города Парижа, следуя советам математика Кондамина, который на основании теории вероятности доказал, что лотерея плохо организована и что можно составить себе состояние, купив все билеты. Вольтер спекулирует зерном, участвует в торговых предприятиях в Кадиксе, занимается поставками для армии. Он связан с женевскими и лионскими банкирами. Иногда он сочетает склонность к спекуляции с юмором воинствующего философа: когда женевские банкиры Жилли, имеющие конторы в Монпелье и Кадиксе, привлекают Вольтера к участию во фрахте корабля для военных перевозок во время войны против иезуитов Парагвая, он доволен: судно называется «Паскаль» и будет «сражаться против моральной распущенности» отцов-иезуитов!

После того как в 1775 г. Вольтер купил в Женеве имение Сен-Жан, которое он назвал «Отрадой» (*les Délices*), он приобретает замок Ферне и графское поместье Турне в области Жекс. В своих владениях он сра-

¹ *Harsin P.* Les doctrines monétaires et financières en France du XVIe au XVIIIe siècles. Paris, 1928, p. 238; *Goubart M.* Voltaire et impôt. Les idées fiscales de Voltaire. Paris, 1931, p. 174—175; *Charbonnaud R.* Les idées économiques de Voltaire. Angoulême, 1907, p. 36.

зу же приступает к разнообразной деятельности: занимается сельским хозяйством, в том числе осушением болот; открывает мануфактуры по производству часов и шелковых чулок; становится защитником крепостных Бургони и Мон-Жюра. Он ведет переговоры с издателями, не забывая о своих собственных делах. Будучи акционером Ост-Индской компании, но оставаясь историком, он охотно сопоставляет свои наблюдения человека действия с изучением всеобщей истории.

В этот век процветания такие философы, как аббат Куайе, президент Дюпати, Шарль Дюкло, путешествуя по Италии, уже не интересуются собиранием анекдотов, а занимаются наблюдениями экономического, демографического и социального характера. В 1770 г. Лефевр де Боврэ в своем «Социологическом и патриотическом словаре» помещает статьи по демографии и политической экономии... В своем «Философском словаре» Вольтер устанавливает эту новую любопытную особенность: «Около 1750 г. нация, пресыщенная стихами, трагедиями, комедиями, романами, операми, романтическими историями, еще более романтическими размышлениями о морали и диспутами о милости и экстазе, принялась рассуждать о зерне. Забыли даже о виноградных лозах, чтобы говорить лишь о пшенице и ржи. Были написаны полезные книги по земледелию; их прочитали все, за исключением людей, пахавших землю»².

Восприимчивый к этому преобладанию земных интересов Вольтер начинает оценивать философа на основании его благотворной деятельности, как оценили бы Фауста по завершении им своих опытов: «Истинный философ распахивает целинные земли, увеличивает число плугов и, следовательно, численность жителей, дает занятия беднякам и обогащает их, способствует заключению браков, пристраивает сирот, нисколько не ропщет на необходимые налоги»³.

Действительно, этот интерес к социально-экономической инфраструктуре был новым явлением и, казалось, характеризовал лишь отдельных лиц. Еще в течение долгого времени эти вопросы материального характера будут считаться недостойными литературы и даже истории. Ришар де Бюри в своих «Письмах о некоторых произведениях г-на Вольтера» находит, что «он обесчестил историю, обратившись к мелочам домашнего быта, указав, например, что за отсутствием свечей пользуются лучиной»⁴.

И в самом деле, этот интерес к материальным условиям жизни виден во всех исторических трудах Вольтера и придает им новое значение. В жизнеописание Карла XII он вводит географические, экономические и социологические данные и сожалеет, что еще раз уступил традиции героизации короля: «Я придаю,— пишет он в 1737 г. Фридриху II,— распаханному квадратному лье целины большее значение, чем равнине, покрытой мертвыми телами». Этот интерес к экономическим, социологическим и демографическим вопросам согласуется с интересом к истории народов, которой Вольтер заменяет историю правителей. Он признается Жакобу Верне: «Я, можно сказать, встречаю почти одни лишь истории королей, а хочу видеть историю людей»⁵. В 1767 г., находясь в Ферне, он повторяет: «Истинная история — это история нравов, законов, ремесел и достижений человеческого ума».

В «Новых соображениях об истории» Вольтер излагает свои концепции: по его мнению, раскрытие причин и последствий событий составляют конечную цель истории в большей мере, чем их изложение. «Я желал бы узнать, каковы были силы страны до войны, и увеличила ли или ослабила их эта война. Была ли Испания богаче до завоевания

² *Voltaire. Dictionnaire philosophique* (статья «Blé»).— In: *Voltaire. Oeuvres complètes*/ Ed. Beuchot, t. 27, p. 369.

³ *Lettre à Damilaville, 1er mars 1765.*— In: *Voltaire's Correspondence* / Ed. Besterman.

⁴ *Voltaire. Essai sur les moeurs* / Ed. Garnier. Paris, 1963, t. I, p. 759.

⁵ *Voltaire. Lettre du 1er juin 1744.*— In: *Voltaire's Correspondence* / Ed. Besterman, N 2778.

Нового Света, чем ныне? Почему в Амстердаме 200 лет назад едва было 20 тыс. жителей, а ныне 240 тыс.?»

Явления связаны с социальной психологией. «Всякий, кто хочет читать историю как гражданин и философ, старается выяснить, каковы были основной порок и преобладающая доблесть нации, почему нация эта была могущественна или слаба на море, как и до какой степени обогатилась она на протяжении столетия; последнее можно узнать из записей об экспорте. Такой читатель пожелает узнать, как создавались ремесла и мануфактуры; он проследит их переход и возвращение из одной страны в другую. Наконец, предметом его большого внимания будут изменения в правах и законах»⁶.

В «Опыте о правах» Вольтер так излагает свои намерения: «Я хотел бы узнать, каково было общество, как люди жили в семье, как они занимались ремеслами, вместо того, чтобы твердить о стольких несчастьях и стольких сражениях, о зловещих предметах истории и повторять общие места о людской злобе»⁷. Из восьми глав, посвященных Карлу Великому, о войнах говорится только в двух. Если Вольтер повествует о Крестовых походах, то не столько, чтобы рассказать о них, сколько чтобы оценить их причины и результаты. Он хочет доказать, что от этих действий весь христианский мир обеднел, потеряв людей и деньги, но что они обогатили торговые города Венецию, Пизу и особенно Геную. Он старается установить, во что они обошлись. «Историки редко сообщают нам, как кормили это множество людей, что требовало по меньшей мере таких же издержек, как и самая война»⁸.

* * *

В этот век Мессанса, Мого и Мальтуса Вольтер был озабочен и демографической реальностью, так как, по замечанию Кондорсе, не было областей знания, которых бы он не исследовал. Демография, по-видимому, была предметом его особого интереса.

Как писал Монтескье в 1724 г. в своих «Персидских письмах», мыслители полагали, что население земного шара уменьшается. Роберт Уоллес, подсчитав численность потомков Адама за 1233 года, от сотворения мира и до потопа, доказывал, что население земли увеличивалось в геометрической прогрессии, т. е. в XVIII в. оно должно было бы достигнуть 412 млн.⁹ Рост, таким образом, становился все меньше. Дамилавилья, д'Аламбер, шевалье де Жокур задавались вопросом об этом сокращении. Все они преуменьшали численность населения французского королевства, одни из пессимизма, другие ради критики политического строя, повинного в этой деградации. Анж Гудар говорит о 17 млн. французов, маркиз де Мирабо — о 16 млн.; Кене называет такую же цифру.

Вольтер вначале поддается их влиянию. В «Истории Карла XII» (1732) он указывает на золотой век для северных стран, признавая преобладание в то время численности женщин и осуждая бесплодие¹⁰. В «Истории Российской империи в царствование Петра Великого» (1759) он еще верит в сокращение населения России и обвиняет в этом опсу, венерические заболевания и чуму¹¹.

По правде говоря, с 1752 г. Вольтер начал сомневаться в правильности этих теорий; он отмечает в своей записной книжке: «Люди не размножаются с такой легкостью, как это думают. Почти половина ро-

⁶ *Voltaire. Nouvelles considérations sur l'histoire.*— In: *Voltaire. Oeuvres historiques.* Paris, 1957, p. 47—48.

⁷ *Voltaire. Essai sur les moeurs, t. I, p. 757.*

⁸ *Ibid., t. I, p. 565.*

⁹ *Hasquin H. Voltaire démographe.*— In: *Les préoccupations économiques et sociales des philosophes.* Bruxelles, 1976, N 3, p. 133—148.

¹⁰ *Voltaire. Oeuvres historiques, p. 58.*

¹¹ *Ibid., p. 380.*

дившихся детей умирает в первый год жизни. Потомство одного мужчины и одной женщины за столетие будет меньше 20 живых человек. За столетие нация не увеличивается и на $\frac{1}{20}$ часть»¹². Он повторяет это в «Опыте о нравах»: «Те, кто подсчитывает, как размножается человеческий род, заметили, что для того, чтобы нация увеличилась на $\frac{1}{20}$ за 100 лет, необходимы благоприятные и редко встречающиеся обстоятельства; и очень часто бывает, что население уменьшается вместо того, чтобы увеличиться»¹³.

После 1763 г., в своих «Замечаниях к „Опыту о нравах“» Вольтер высмеивал демографические вычисления: «Следует признаться, что обыкновенно мы до некоторой степени произвольно увеличиваем или уменьшаем население земли». Он приводил фантастические цифры иезуита Пето: «Добрый священник Пето не знал, что такое рожать и растить детей». Вольтер высмеивал «тех, кто рождает детей одним росчерком пера», и опровергал расчеты Ричарда Кемберленда, Вистона, вновь осуждая в «Философском словаре» (1764), а затем в «Философии истории» (1765), в статье «Китай»¹⁴.

Стремясь доказать, что способность человеческого рода размножаться не столь велика, Вольтер ссылается на погрешности в данных о плодovitости: «Из 25 браков обычно только от 4 остаются в живых дети, становящиеся отцами»; он также указывает на ужасающую детскую смертность: «Из 1000 детей, родившихся в течение года, через 20 лет остаются едва 600». В статье «Возраст», помещенной в «Вопросах Энциклопедии», Вольтер намекает на свою переписку с В. Керсебоомом, голландским демографом и финансистом, которую он вел в 1741 г.; она открыла ему уровень детской смертности; в 1746 г. он нашел подтверждение этому у Антуана Денерье в его «Опыте о вероятностях продолжительности человеческой жизни».

С того времени Вольтер проявляет осторожность в отношении демографических данных. Допустив в 1722 г., что в Амстердаме население составляет 500 тыс. человек, он в 1743 г. уменьшает эту цифру до 350 тыс.; но и она чрезмерна. Он и далее занимается исследованиями в области демографии и отказывается от термина «peuplade» (племя), которым он пользовался еще в 1751 г. («Диалог между философом и генеральным контролером финансов»), и заменяет его термином «population» (население), который уже в 1682 г. применил Антуан Леметр, которым вновь пользовались в 1756 г. Гудар, Мирабо, также Вольтер в своем «Опыте о нравах».

Он не присоединяется к советам энциклопедистов на плачевное положение во Франции и принимает цифру в 20 млн., взятую из переписи, произведенной интендантами в 1698 г., и повторенную Вобаном в его «Проекте королевской десятины» (1707). Вольтер видит подтверждение своих гипотез в докладе интенданта Оверни де ла Мишодьера¹⁵ и особенно в его «Исследованиях о населении округов Овернь, Лион и Прованс», утвержденных Мессансом в 1766 г. Вольтер дополняет его данные: население семи больших провинций и значительного числа городов увеличилось за 60 лет; помножив на 25 среднее число рождений, мы получаем 23 млн.— численность населения французского королевства¹⁶.

И все-таки в статье «Экономия», помещенной в «Вопросах энциклопедии» (1771), он решается указать лишь цифру в 20 миллионов. Эрве Акен предполагает, что на Вольтера повлияло изучение данных аббата д'Экспилли, собранных им для своего «Географического, исторического и

¹² *Voltaire. Notebooks.*— In: *The complete workes of Voltaire* / Ed. Besterman. Genève etc., 1968, t. 81, p. 136.

¹³ *Voltaire. Essai sur les moeurs*, t. I, p. 208.

¹⁴ *Voltaire. Dictionnaire philosophique* / Ed. Garnier. Paris, 1954, p. 107; *Idem. Essai sur les moeurs*, t. I, p. 86; *Voltaire. Age.*— In: *Voltaire. Questions sur l'Encyclopédie* (1771).

¹⁵ *Lettre du 13 décembre 1757.*— In: *Voltaire's Correspondence* / Ed. Besterman, N° 6817.

¹⁶ *Voltaire. Population.*— In: *Voltaire. Questions sur l'Encyclopédie.*

политического словаря Галлии и Франции» (1768); Жан-Жозеф д'Экспилли на основании своих точных исследований, приводит цифру в 22 млн. Но он вызывает критику со стороны физиократов Дюпона де Немура и Тюрго. Его словарь остается незаконченным и малоизвестным¹⁷. Вольтер не пожелал идти дальше наперекор приведенным данным и вызвать разногласия внутри «секты». Он хочет быть лишь умеренным исследователем вопросов народонаселения.

В своем «Диалоге между философом и генеральным контролером финансов» (1751) Вольтер указывает, что наиболее многочисленное население не самоцель; люди должны работать¹⁸. У Вольтера появляется представление об оптимальном населении; в статье «Народонаселение» («Вопросы Энциклопедии») он указывает, что естественный выход при перенаселении — эмиграция, которая сделает людей счастливыми.

В статье «Война» (1764), опубликованной в «Философском словаре», он излагает причины, влияющие на смертность: голод, чума, война. Особое место отводит он эпидемиям: в 1723 г. от оспы умерло 20 тыс. парижан. Со времени появления «Английских писем» (1734) Вольтер стал также пропагандистом прививок от оспы и продолжал свои усилия вплоть до 1744 г.¹⁹ Другая губительная эпидемическая болезнь — чума. Он объясняет заболеваниям черной чумой, свирепствовавшей во время Столетней войны, гибель четвертой части человечества²⁰. Равным образом он связывает смертность с недостаточным питанием²¹.

Вольтер рассматривает также нравственные причины высокого или низкого уровня рождаемости и использует их для осуждения безбрачия священников и монахинь — тема, усиленно обсуждавшаяся в XVIII в. В его глазах монастыри — живые могилы для девушек; они уничтожают поколения. Существование монахов, которые и не увеличивают населения, и не работают, так же недопустимо, как и наличие необработанных земель. В 1770 г. в статье «Народонаселение» он пишет: «Я думаю, что Англия, протестантская Германия и Голландия обладают пропорционально большим народонаселением. Причина этого очевидна: в этих странах совершенно нет монахов, поклявшихся богу быть бесполезными людям. Их священники, которым почти нечего делать, заняты изучением различных вопросов и размножением; они производят на свет крепких детей и дают им лучшее воспитание, чем получают дети французских и итальянских маркизов».

Демография влияет на экономику, и наоборот. Поэтому законодательство должно способствовать увеличению семьи, облагая налогами холостяков и освобождать от налогов отцов семерых детей; в 1761 г. он предлагает это в своем «Мемуаре о сельском хозяйстве»²².

Итак, основные направления демографической мысли Вольтера свидетельствуют о последовательности в использовании данных и о возрастающей точности формулировок; они полностью совпадают в «Философском словаре» (1764) и в «Вопросах Энциклопедии» (1770). При обсуждении этих вопросов он был предвестником нового²³.

* * *

Эти демографические наблюдения часто связаны с соображениями социологического порядка. Размышляя, подобно аббату Рейналю, о преимуществах и невыгодах открытия Америки, Вольтер рисует картину

¹⁷ *Hasquin H.* Quelques précisions sur l'oeuvre de l'abbé Expilly.— In: *Etudes sur le XVIIIe siècle*. Bruxelles, 1975, t. II, p. 169—184; *Moulinas R.* Les tribulations du Dictionnaire des Gaules de la France, de l'abbé Expilly.— In: *Provence Historique*, 1971, N 84, p. 128—146.

¹⁸ *Voltaire.* Oeuvres complètes / Ed. Moland, t. 23, p. 502—504.

¹⁹ *Voltaire.* De la mort de Louis XV et de la fatalité.— Oeuvres complètes / Ed. Moland, t. 22, p. 362—363. См. также: t. 24, p. 467—468, t. 25, p. 335—337, t. 29, p. 299—304.

²⁰ *Voltaire.* Essai sur les moeurs, t. I, p. 720.

²¹ *Ibid.*, t. II, p. 346.

²² Bibliothèque Nationale (Paris). Nouvelles acquisitions françaises, N 24, 342.

²³ Нам особенно помогла работа: *Hasquin H.* Voltaire démographe, p. 133—148.

внутренней экономики Нового Света, которая объясняет малую плотность населения: там нет ни пшеницы, ни винограда, ни олив, недостаточно скота (за исключением баранов в Перу): Он также обращает внимание на сильные холода, на суровые горы, на частые наводнения, лишаящие почву ее плодородия, а также на нравы населения: «Дети везде погибали из-за отсутствия необходимого ухода... Не было возможности ни снабжать детей доброкачественным молоком, ни обеспечивать им здоровое или хотя бы достаточное питание в дальнейшем»²⁴.

В своем «Опыте о правах» Вольтер утверждает, что в XVII в. население Вечного города было меньше населения Венеции и Неаполя, значительно меньше населения Парижа и Лондона. По примеру президента Буйе он объясняет этот недостаток населения и его нищету понтификальным правлением. Социальной иерархии он не касается. Он подробно описывает зарождение рыцарства, возникновение дворянства, вхождение судебных во второе сословие. В отношении Франции его беспокоит увеличение числа людей, получивших дворянство благодаря услугам писцов; он видит в этом увеличение числа граждан, бесполезных для государства. Банкиры, купцы, слуги государя получают грамоты о дворянстве: «...они получают от своих нотариусов титулы очень высоких и очень могущественных сеньоров. Титулы эти принизили древнюю знать, не слишком возвысив новоявленную»²⁵.

Сравнивая положение французской знати, склонной к поступкам, несовместимым с ее достоинством, с положением английской аристократии, Вольтер осуждает «это нелепое множество знатных людей без обязанностей и истинной знатности, это принижующее различие между бесполезным новоявленным дворянином, который ничего не платит государству, и полезным простолудином, который платит подать (талью)». Вольтер судит о людях по их полезности для общества — понятие, дорогое для века Просвещения; он осуждает фискальные привилегии и язвительно повторяет, что жаловать дворянство — значит принижать его²⁶. Но Вольтер не допускает принципа равенства: люди имеют одинаковое право на свободу, на владение своим имуществом, на защиту со стороны закона; но, не обладая одинаковыми талантами, они не могут притязать на равенство положения²⁷. Итак, в обществе существует иерархия, но иерархия, определяемая способностями и деятельностью.

Народные массы не могут притязать на развитие в социальной области. В 1764 г. Вольтер объясняет это Шамфору: «Народ всегда будет невежественным и слабым, будет нуждаться в руководстве небольшого числа просвещенных людей», — и Гельвецию: «Мы не заботимся о том, чтобы наши землепашцы и рабочие были просвещенными, но хотим, чтобы просвещенными были люди из высшего общества, и это так и будет»²⁸.

Это презрение к народу, которое то и дело можно заметить в его переписке, снова проявляется в его «Философии истории»: «Большая часть человеческого рода была и долгое время будет лишена здравого смысла и глупа. Ее умственное развитие происходит столь медленно, иллюзии столь могущественны, порабощение идеями столь тираническое... Во всей стране чернь глупа, суеверна, безрассудна...»²⁹. В отличие от Дидро Вольтер не верит в распространение просвещения и в действенность школьного образования: «Простой народ не заслуживает разумной религии»³⁰. Ему нужна религия принуждающая. Это социальная необходимость. «Если вы должны управлять каким-нибудь поселком, то нужно, чтобы в нем существовала религия», — пишет он в статье «Религия»

²⁴ *Voltaire. Essai sur les moeurs, t. II, p. 340—346.*

²⁵ *Ibid., p. 32.*

²⁶ *Ibid., p. 33.*

²⁷ *Ibid., p. 26.*

²⁸ *Mortier R. Voltaire et le peuple.— In: The Age of Enlightenment. Studies presented to Besterman. St-Andrews, 1967, p. 135—151.*

²⁹ *Voltaire. Philosophie de l'Histoire/ Ed. Pomeau, t. I, p. 18, 34, 96.*

³⁰ *Voltaire. Essai sur les moeurs, t. I, p. 225.*

(«Философский словарь»). Он развивает свою точку зрения в статье «Бог»: «Мы имеем дело с множеством плутов, с толпой мелких людшек, грубиянов, пьяниц, воров; если хотите, проповедуйте им, что никакого ада нет и что душа смертна. Я же буду кричать им во всю мочь, что они будут осуждены на адские муки, если обокрадут меня».

Вольтер пессимистически смотрит на человечество. Сохранить порядочность и трудолюбие народа может только страх. Не следует надеяться исправить народ. Как полагают Шалотэ и большинство его современников, давать народу образование опасно; церковь не права, обучая сыновей крестьян и ремесленников; она рискует вызвать зависть и даже беспорядки. 19 марта 1766 г. Вольтер признается Дамилавиллю: «Лучше, чтобы народом руководили, чем давали ему образование», — а 1 апреля он прибавляет: «Под народом я разумею простонародье, живущее трудом своих рук. Сомневаюсь, чтобы у граждан этого рода когда-либо были время и способность к учению; они умерли бы с голоду прежде, чем стали бы философами. Мне представляется очень важным, чтобы существовали невежественные бродяги. Если бы вы, подобно мне, извлекали выгоду из земли и если бы у вас были плуги, то вы были бы вполне согласны со мной. Давать образование надо не рабочим, а добрым буржуа, жителям городов»³¹.

Вольтер повторяет это в статье «Удобрение земли» («Философский словарь»): «Я нахожу правильным, чтобы небольшое число детей обучалось читать, писать и считать, а большинство их, особенно дети рабочих, должны уметь только обрабатывать землю, так как на две или три сотни рабочих рук требуется лишь одно перо». Снова возникает критерий полезности.

Тем не менее Малерб в своей речи по поводу избрания Вольтера во Французскую академию приветствовал этого прагматика, заботившегося о сохранении порядка, об эффективности, о рентабельности, как покровителя угнетенных. И действительно, Вольтер придерживается образа мыслей, которые оправдывают это определение и, казалось бы, противоречат его декларациям об элите. Описывая в «Опыте о нравах» «несчастья и смерть Карла I», он не забывает сторонников полного равенства, которых он называет уравнителями — «название, указывающее на то, что они хотели уравнивать все и не желали признавать над собой господина нигде — ни в войсках, ни в государстве, ни в церкви». Никакого порицания этим анархистам Вольтер не высказывает. «Их право казалось столь же обоснованным, как право других». Кромвель раздавил эту клику, «чье преступление было в том, что она вызывала у него раздражение»³².

Еще более, чем это обращение Вольтера к истории Англии, его выступления в защиту крепостных Мон-Жюра показывают, что в социальной области он желал отказа от устаревших отношений. Он при всех обстоятельствах объявляет себя противником крепостничества. В «Опыте о нравах» он одобряет осуждение папой Александром III рабства и освобождение королем Людовиком X Сварливым крепостных, он сожалеет о медлительности, с какой сеньоры подражали примеру своего государя. «Только во Франции во времена Карла VII крепостное состояние было упразднено в главных городах». Перечитывая эту работу в 1778 г. в предвидении ее издания Панкуком, фернейский сеньор прибавляет: «Во Франции еще есть несколько кантонов, где народ находится в рабстве, и — что столь же ужасно, сколь и несообразно — в рабстве у монахов»³³. Вольтер здесь имеет в виду монахов аббатства Шезери и каношников капитула Сен-Клод.

Ко времени присоединения Франш-Конте Людовиком XIV крепостная зависимость еще существовала. Король обязался уважать частную собственность, причем крепостные были включены в состав этого имущества.

³¹ Voltaire's Correspondence / Éd. Moland, t. 12, p. 256—257, N6296, 6306.

³² Voltaire. Essai sur les moeurs, t. II, p. 672.

³³ Ibid., t. I, p. 777.

В XVIII в. в правовом отношении такое положение сохранялось: свободный человек, проживший один год и один день в доме у крепостного, сам становился крепостным; девушка, которая не провела первой брачной ночи в доме своего отца, теряла права на наследство. А ведь среди владельцев крепостных имелись духовные лица. В Сен-Клод монастырь бенедиктинцев владел тысячами неотчуждаемых крепостных. В 1742 г. при учреждении епархии Сен-Клод эти 20 монахов были секуляризованы... стали канониками и графами, но их крестьяне освобождены не были. В 1770 г. адвокат Крестен обращает на это внимание Вольтера, после чего тот снова и снова выступает по этому поводу. В своем небольшом труде под названием «Королю в его совете в защиту подданных короля, требующих свободы во Франции» Вольтер просит для этих неотчуждаемых крепостных статуса граждан, свободы и равноправия; он доказывает, что грамоты о неотчуждаемом крепостном владении, на которые ссылаются каноники, подложны. В 1775 г. Вольтер представляет Тюрго план освобождения всех крепостных французского королевства путем выкупа, по образцу мероприятия, проведенного в Савойе в 1762 г. королем Сардинии. Тюрго на это не решается, и ходатайство перед парламентом Безансона потерпело неудачу, так как магистраты сами владели неотчуждаемым имуществом. В 1779 г. Неккер упразднил неотчуждаемое крепостное владение, но только на королевских землях. В Мон-Жюра крепостные были освобождены только в 1789 г. Вольтер был провозвестником этого³⁴.

Это же душевное состояние заставляет его присоединиться к выступлениям против колониального рабства. Прочитав текст Гельвеция о смертности среди рабов в Америке, Вольтер рисует в «Кандиде» сцену в голландской колонии Суринам³⁵. В «Опыте о нравах» он осуждает рабство во французской части Сан-Доминго, «где около 30 тыс. белых и 100 тыс. рабов — негров и мулатов — работают на плантациях сахарного тростника, индиго, какао и сокращают себе жизнь в угоду нашим новым вожделениям». На берегу Гвинеи, на Золотом Берегу и на Берегу Слоновой Кости этих африканцев покупают в пять раз дешевле, чем стоит тучный бык. «Мы им говорим, что они такие же люди, как и мы, что за них пролил свою кровь и умер Христос, а затем их заставляют работать подобно вьючному скоту». Благодаря такой бесчеловечной эксплуатации эти мелкие острова обеспечивают Франции товарооборот на сумму приблизительно в 60 млн. в год. Следует ли сохранять эту торговлю с Антильскими островами? Следует ли покупать за границей этот «излишек, ставший необходимым?»³⁶.

Находя одобрение у Кондорсе, Вольтер не осуждает британской и голландской колонизации и даже восхваляет создание иезуитских миссионерских округов в Парагвае. Вслед за Монтескье и отцом де Шарлевуа он с одобрением подробно описывает устройство этой теократической республики и благодетельные стремления, воодушевляющие миссионеров. «Порядки в Парагвае, установленные испанскими иезуитами, представляют собой в некоторых отношениях триумф гуманности»; миссионеры обучили «диких» техническим приемам земледелия, разведения скота, прядения хлопка и шерсти... Продажа индиго, сахарного тростника, ялпы, ипекакуаны и особенно очень ценимой парагвайской травы, напоминающей собой чай, обеспечивает благоденствие этой испанской колонии³⁷.

Если Вольтер не осуждает колонизации, то он порицает связанные с ней злоупотребления и постигающие ее иногда неудачи. Рассматривая процесс Лалли-Голландала, он упрекает Ост-Индскую компанию в дурном ведении дел. В 1760 г. он пишет д'Аржанталю: «В Пондипери находится некий Лалли, дьявол с ирландской головой, который рано или

³⁴ Hancock H. Voltaire et l'affaire des mainmortables: un ultime combat.— In: Studies on Voltaire, 1973, t. 114, p. 79—98.

³⁵ Voltaire. *Candide ou l'optimisme*. Paris, 1959, p. 40—41.

³⁶ Voltaire. *Essai sur les moeurs*, t. II, p. 380.

³⁷ Decobert J. Les missions jésuites de Paraguay devant la philosophie des Lumières.— *Revue des sciences humaines*, 1973, janv.—mars, p. 17—46.

поздно обойдется мне в 20 тыс. турецких ливров в год, составляющих главную часть моего дохода»³⁸. В 1774 г. в своих «Фрагментах о генерале де Лалли, о процессе Моранжеса и на некоторые другие темы» он сокрушается по поводу ведения дел компанией: «За 60 лет она ни разу не дала дивиденда от продажи своих товаров. Она не платила своим акционерам и не погасила ни одного из своих долгов...»³⁹. Рассмотрение материальных успехов предприятия сочетается с социологическими и даже с этническими соображениями.

Вольтер поражен различиями между расами. «Только слепой может сомневаться в том, что белые, негры, альбиносы, готтентоты, лапландцы, китайцы, американцы представляют собой совершенно различные расы», — пишет он во «Введении к „Опыту о нравах“». Высказав соображения антропологического характера, он заключает: «Негритянская раса — это вид человека, отличающийся от нашего подобно тому, как собаки вида спаниелей отличаются от борзых...»⁴⁰.

Оправдывает ли это работорговлю? «Эта торговля, — говорит он, — доказывает наше превосходство. Тот, кто приобретает над собой господина, родился, чтобы иметь такового». Но она не должна сопровождаться насильем. «У нас нет естественного права по рукам и по ногам связывать жителя Анголы, чтобы заставлять его под ударами ременной плетки работать на наших сахарных плантациях Барбадоса»⁴¹. В своем «Опыте о нравах» он повторяет сказанное им в «Кандиде»: «Их скверно кормят; если они хотят бежать, то им отрубают одну ногу и заставляют вертеть рукой вал мельницы для сахарного тростника, снабдив их деревянной ногой. После этого мы еще смеем говорить о человеческих правах»⁴².

По-видимому, для патриарха из Ферне существует какой-то порог бесчеловечности и жестокости, перехода которого разумный человек не может допустить. Он видит осуществление своего социального идеала в Китае, так как для него «дух китайского народа — древнейший памятник разума, существующий на земле». Но эта мудрость не свойственна простому народу; последний «в любой стране занят исключительно физическим трудом; дух нации всегда воплощается немногими людьми, которые заставляют работать множество людей, кормятся за их счет и правят ими»⁴³. Это просвещенный деспотизм на новый лад.

Во всяком случае вершина социальной пирамиды не должна оставаться вне экономической деятельности, если она хочет нести политическую ответственность. Во Франции духовенство и дворянство господствуют в государстве, не управляя его экономикой; следует подражать примеру Англии, Венеции, Генуи, где элита руководит нацией во всех видах ее деятельности. Общество, описанное в «Кандиде», охватывает многочисленные профессиональные группы; оно подвижно и лишено социальной тяжести. Идеал Вольтера — либеральный капитализм, осуществленный в Голландии, богатой стране — согласно мифу, возникшему во времена Кольбера. Эта республика купцов усовершенствовала колониальную систему. Суринам представляет собой наилучший пример рентабельности колоний. В отличие от физиократов Вольтер допускает принудительные экономические мероприятия и высказывается за мелкие предприятия⁴⁴.

³⁸ *Voltaire*. Lettre de 15 février 1760. — In: *Voltaire's Correspondence* / Ed. Besterman, N 8757.

³⁹ *Perrod P.-A.* L'affaire Lally-Tolendal. Paris, 1975, 454 p.

⁴⁰ *Voltaire*. Essai sur les moeurs, t. I, p. 6; t. II, p. 306; *Duchet M.* Anthropologie et histoire au siècle des Lumières. Paris, 1971. 562 p.

⁴¹ *Voltaire*. L'A.B.C. — In: *Voltaire. Oeuvres complètes* / Ed. Moland, t. 45, p. 67.

⁴² *Voltaire*. Essai sur les moeurs, t. II, p. 335, 380.

⁴³ *Ibid.*, p. 399. В изданиях 1761, 1769, 1775 гг. сказано: «Население в любой стране должно быть постоянно занято...».

⁴⁴ *Pomeau R.* Candide entre Marx et Freud. — In: *Studies on Voltaire*, 1972, t. 89, p. 1305—1323.

Как доказал В. П. Волгин в своем труде «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке», экономическая доктрина Вольтера зиждится на двух аксиомах: свободе и собственности. В статье «Собственность» («Вопросы Энциклопедии») Вольтер доказывает, что крепостная зависимость, рабство и даже отсутствие собственности пагубны: «Землевладелец будет обрабатывать унаследованную им землю гораздо лучше, чем землю другого. Дух собственности удваивает силы человека. Для себя и своей семьи человек работает с большей энергией и большим увлечением, чем для хозяина».

Раб мало склонен к вступлению в брак. «Он часто даже боится производить на свет рабов, подобных ему самому. Его усердие иссякает, его душа отупевает... Наоборот, собственник желает иметь жену, которая разделит с ним удачу, и детей, которые будут помогать ему в работе. Его богатство — его жена и сыновья. Земельный участок этого земледельца может стать в руках трудолюбивой семьи в десять раз плодороднее, чем был ранее»⁴⁵.

Вольтер отвергает положения Руссо. По поводу «Рассуждения о происхождении неравенства» один из персонажей «Разговоров между А., В. и С.» провозглашает: «Высокий ум, написавший эту нелепость, должно быть, разбойник с большой дороги». Другой возражает ему: «Я лишь подозреваю, что это крайне ленивый бродяга... Автор этого места кажется мне глупцом, совершенно чуждым общественным интересам».

Итак, надо способствовать приобретению собственности. Во-первых, можно отправиться на поиски земель «к кафрам, готтентотам и самоедам» — соображение, оправдывающее колонизацию⁴⁶; а в Европе надо упразднить устаревшие обычаи, такие, как право получения королем имущества умершего иностранца, в силу которого наследство ненатурализованного иностранца поступает к королю или местному сеньору; «именно у нас в Европе еще существуют народы, чьи законы не позволяют иностранцу покупать на их территории землю или место для могилы». Вольтер, вероятно, имеет в виду Женеву, где закон воспрещает католику становиться землевладельцем; когда в 1755 г. он хотел приобрести поместье Сен-Жан, ему пришлось прибегнуть к финансовой махинации: он внес деньги банкиру Троншону, который и совершил покупку, а Вольтер стал владельцем по закладной.

Каждый землевладелец должен улучшать состояние своих угодий. Как сеньор деревни, граф Турне, Вольтер с увлечением приступает к капиталовложениям в деревне; только тот, кто располагает капиталами и знаниями, может осуществить эту задачу ради всеобщего блага. Гнилые болота в Маньи он по совету агронома Абея превращает в искусственные луга, поросшие вереском огромные пространства — в пастбища. В своих владениях по обеим сторонам франко-женевской границы как почти единственный собственник он удобряет почву, сажает тысячи деревьев, строит образцовые хлевы, конюшни, овчарни и, не без умысла, приглашает посетить их своих гостей, малопривычных к этой сельской обстановке»⁴⁷.

В «Защите Людовика XIV против автора „Эфемерид“» он превозносит свои успехи: «Я нарочно выбрал один из самых плохих участков земли, чтобы построиться на нем и обрабатывать там неблагоприятную землю, которую всегда приходилось вспахивать на шести волах и которая, принося лишь урожай сам-три, была бременем для всех владельцев. Я хотел узнать, не окажется ли возможным в некотором роде изменить природу». Господствовать над естественными условиями — значит утвер-

⁴⁵ *Voltaire. Dictionnaire philosophique* (статья «Propriété»).— In: *Voltaire. Oeuvres complètes*/ Ed. Beuchot, t. 32, p. 18.

⁴⁶ *Voltaire. Dictionnaire philosophique*.— In: *Voltaire. Oeuvres complètes*/ Ed. Beuchot, t. 29, p. 8.

⁴⁷ *Caussy F. Voltaire, seigneur de village. Paris, 1912, p. 128.*

дить всемогущество человека. «Нужно было применить труд и проявить настойчивость. Мои старания не оказались совершенно бесплодными в этой пустыне: жалкая деревушка, едва способная прокормить 50 несчастных жителей, где знали лишь золотуху и нищету, за один год превратилась в довольно чистую и, следовательно, более здоровую деревню; в ней уже более 700 жителей, и все они заняты полезным трудом». Интересуясь демографией, Вольтер вносит поправки в текст каждого нового издания: в 1769 г. он пишет «около 300 жителей», в 1772 г. — «около 400». Окончательные данные относятся к 1775 г. Ферне особенно разросся от притока «местных уроженцев», часовщиков из Женевы, которым эта аристократическая республика полностью отказывала в политических правах. При своем подчас дерзком стремлении к гласности Вольтер заявляет: «Небольшой участок земли, худшей, чем самая тощая земля Шампани, которую столь напрасно называют вшивой, каждый год приносил урожай сам-десять, и притом с поля, которое давало лишь урожай сам-три, вдобавок в течение лишь двух лет с двухлетним перерывом»⁴⁸.

Такой опыт заставляет этого эмпирика отдать себе отчет в ценности земли и приближает его к физиократам — в то время как он в «Человеке с 40 эю» (1768) высмеял фискальную сторону их учения. Из своих практических успехов он делает выводы, которые излагает в статье «Удобрение земли» («Философский словарь»). Он устанавливает, что во французском королевстве наибольшая часть земель обрабатывается крестьянами, ведущими натуральное хозяйство и не имеющими возможности ни вкладывать в него деньги, ни увеличивать его доходность. Он ставит в вину богатым землевладельцам, что они не берут на себя этой задачи и даже не живут в своих поместьях, что уже не вполне соответствует действительности в это время — к концу правления Людовика XV. Дворянам приходится осушать болота, бывшие причиной бесплодия почвы и смертности среди людей. «Только сеньоры могут уничтожить этих врагов человеческого рода. А если эти болота чересчур обширны, то лишь правительство достаточно могущественно, чтобы осуществить подобные начинания; здесь можно выиграть больше, чем посредством войны». Одни только сеньоры могут обрабатывать землю машинами: купить сеялку, орудие дорогостоящее, но зато сберегающее третью часть семян, приобрести веялку с решетом, сберегающую рабочие руки и время. «Обработка земли — это подлинная мануфактура; для того чтобы мануфактура процветала, предприниматель должен быть богат».

Экономические нужды, стремление удовлетворить свое желание жить лучше приводят к созданию иерархизованного общества с разумным распределением задач и ответственности. «Мнимое равенство людей, которое некоторые софисты объявляют модным, — пагубная химера. Не будь у одного хозяина 30 работников, земля не была бы обработана... Чем больше людей, чьим единственным достоянием являются их руки, тем в большей цене будут земли. Но для того чтобы с пользой применять труд этих рук, нужно, чтобы сеньоры находились в своих поместьях». Землевладелец, не тратя больших денег, будет жить в почете и изобилии; у него будут лошади, телки, стада. «Все это совмещение приятного и полезного. Склонность к этим занятиям растет с каждым днем; время ослабляет почти все другие желанья». В 1761 г. Вольтер пишет одному из своих безансонских друзей: «Земледельцы не могут покинуть свои лачуги... Я использую конец своей жизни, чтобы повышать — если могу — плодородие неблагоприятных земель, чтобы давать хлеб несчастным людям, которым его не хватает. Это занятие я ценю выше всех парижских удовольствий»⁴⁹.

В случае плохого урожая сеньоры, не получив дохода, могут это выдержать. «Поэтому для государства важно, чтобы землевладельцы жили в своих поместьях». Даже аббаты, получающие доходы с пожалованных

⁴⁸ *Voltaire. Défense de Louis XIV.* — In: *Voltaire. Oeuvres historiques*, p. 1283.

⁴⁹ *Latreille C. Une lettre inédite de Voltaire, 16 janvier 1761.* — *Revue historique de la littérature française*, 1910, p. 616; *Pomeau R. Politique de Voltaire*. Paris, 1963, p. 149—151.

им церковных земель, тоже должны жить в своих имениях, если хотят делать добро, как и епископы в своих городах. Под пером Вольтера возникают формулы физиократов: богатства земли самые долговечные; деньги могут уходить за границу. «Мнимые блага могут исчезнуть, земля остается». Но земледельцев необходимо воодушевлять, облегчая им сбыт их продуктов. «Исправление проселочных дорог и поддержание их в порядке — важная задача», так как во французском королевстве имеются хорошие большие дороги, но недостаточно проселочных. Нельзя также вызывать тревогу у производителей и потребителей: препятствовать вывозу зерна — значит порождать подозрение, что его у нас не хватает; ведь «во Франции иногда бывает дороговизна, но редко голод. Мы снабжаем дворы Европы танцорами и париками; было бы важнее снабжать их пшеницей».

Следует любой ценой поддерживать земледельцев. С этой точки зрения пагубно безбрачие; надо увеличить подушное обложение холостяков, достигших 25-летнего возраста, и освободить от налогов отцов семерых детей. Нужно всех заставить трудиться. «Число нищих огромно, и вопреки законам этим подонкам позволяют приумножаться. Я предложил бы, чтобы всем сеньорам разрешалось задерживать и за разумную плату заставлять работать всех здоровых нищих, мужчин и женщин, просящих милостыню на их землях».

В таком же духе Вольтер возражает и против обязательного соблюдения праздников, прерывающих работы и дающих повод к разгулу. В этом он согласен с женевским епископом, монсеньором Биором, жившим в Аннеси, который в 1763 г. сократил число таких праздников.

Вольтера интересует не только земледелие. В «Опыте о нравах» он размышляет над примером Британии. Земледелие, которым в Англии долго пренебрегали, стало источником богатства, как только было введено вознаграждение за вывоз зерна; тем самым поощрялась обработка земли. Благодаря королеве Елизавете экономика Англии достигла истинных успехов: улучшилась культура земледелия и выросла торговля пищевыми продуктами. Этот урок был уже извлечен из истории Китая. Но начиная с XVI в. Англия, долгое время остававшаяся в зависимости от французской промышленности, стала изготовлять «самые лучшие сукна в Европе». Отмена Нантского эдикта позволила ей привлечь французских кальвинистов, которые создали в стране Вильгельма III мануфактуры, где изготовлялись сукна, зеркала, бумага, где выплавлялись медь, бронза и сталь⁵⁰.

Начиная с 1767 г. фернейский сеньор, не отказываясь от своих взглядов на сельское хозяйство, обращается к своеобразному сельскому коллибертизму. Он хочет увеличить население и обеспечить ему выгодную деятельность. На его глазах область Жекс становится жертвой близости и силы притяжения Женевы. Туда уходят для работы у ювелиров и часовщиков многочисленные крестьяне; там устраиваются и девушки. Вольтер требует, чтобы интендант обратился к королю с предложением запретить этот исход. В 1768 г. он пишет Шаузелью: «Не подлежит никакому сомнению, что наблюдающееся прискорбное явление приносит большой вред и что вскоре все наши земледельцы станут женевскими часовщиками; плуги нам нужны больше, чем часы... Вы должны запретить крестьянам прекращать обработку земли для поступления на работу к часовщикам»⁵¹. Министр предпочитает проводить политику, направленную против Женевы, и развивать промышленность по производству часов в районе Жекс; Вольтер соглашается с этим возражением и с помощью архитектора Ракля строит вблизи своего замка около 60 одноэтажных домов. Он селит в них женевцев, и правительство создает в Ферне часовую мануфактуру с 50 рабочими. Вольтер содействует продаже часов среди знакомых вплоть до Рима; его забавляет мысль, что вечный город справляется о

⁵⁰ *Voltaire. Essai sur les moeurs, t. II, p. 696, 466; t. I, p. 213.*

⁵¹ *Arch. dép. Ain, C 1014.*

времени по часам, изготовленным в безбожном Ферне. Он основывает черепичную фабрику, фабрику искусственного мрамора из местной глины, покрываемой глазурью, а также питомник для разведения шелковичных червей. Он с радостью пишет в 1769 г.: «Я открыл секрет разведения шелковичных червей в стране, в течение семи месяцев в году покрытой снегом, и мой шелк, получаемый в суровом климате, лучше шелка Италии»⁵². Он превращает свой театр в фабрику шелковых чулок и преподносит первую пару чулок герцогине де Шуазель⁵³. Этим дельцом движет перспектива наживы, но также и радость победы над конкурентами.

В 1772 г. он собирается изготовлять «блонды» (шелковое кружево), бруссельские кружева на коклюшках из небеленого шелка и обращается к мадам де Сент-Жюльен, желая получить от нее образцы⁵⁴. В 1775 г. он описывает аббату Бодо, физиократу, превращение, происшедшее с его деревней: «В самом красивом месте Европы (после Константинополя), но обладающем самой неплодородной и нездоровой почвой, было небольшое селение, где обитали сорок горемык, страдаемых золотухой и бедностью. Некто, располагая приличным состоянием, покупает эти ужасные земли именно для того, чтобы изменить их... Через несколько лет логово 40 дикарей превратилось в городок с 1200 жителями, полезными работниками физического труда, рассудительными людьми, чей ум заставляет работать руки. Если бы этих людей подчинили нелепым законам, придуманным для искоренения ремесел, то местность эта все еще была бы зловонной пустыней, где обитали бы медведи Альп и Мон-Жюра»⁵⁵. Как и физиократы, Вольтер выступает в этом случае сторонником свободы созидания нового.

Он благожелательно относится и к либерализму в области торговли. Прочитав «Политический опыт о торговле» Франсуа Мелона, появившийся в 1734 г., он превратил его в руководство для себя; он хочет доказать благодетельные стороны торговли. Письмо десятое о торговле, входящее в «Философские письма», рассматривает связи, существующие между экономическими условиями, общественным строем и политическими установлениями: «Торговля, обогатившая граждан в Англии, способствовала тому, чтобы они стали свободными, а эта свобода в свою очередь содействовала расширению торговли; отсюда и возникло величие государства; именно торговля постепенно привела к созданию морских сил, благодаря которым англичане господствуют на морях».

Каждый негодяин заслуживает похвалы, так как он полезен обществу и содействует всеобщему благу. «Он осмеливается, и притом не без некоторых оснований, сравнивать себя с римским гражданином». Пары вовсе не пренебрегают торговой деятельностью, как это делает любой французский маркиз. Дворянство не должно презирать это занятие, обеспечивающее нации богатство и тем самым могущество. В отличие от Карфагена, Венеции и Голландии англичане были сначала завоевателями, прежде чем сделаться купцами. «Когда они выигрывали сражения под Азенкуром, под Креси и под Пуатье, они не знали, что они могут продавать много зерна и изготовлять превосходные сукна, которые дадут им значительно больше... Только потому, что англичане стали торговцами, Лондон и превосходит Париж по величине города и численности жителей, и они могут вывести в море 200 военных кораблей и покупать содействие союзных королей»⁵⁶.

Вольтер никогда не сомневался в преимуществах торговли. В то время как он всегда употреблял слово «индустрия» в его латинском значении, т. е. как активная изобретательность, прилагаемая к ремеслам, он приписывает товарообмену значение источника как величия, так и упад-

⁵² *Voltaire. Lettre du 6 septembre 1769.*— In: *Voltaire's Correspondence / Ed. Besterman.*

⁵³ *Desnoiresterres G. Voltaire et Genève.* Paris, 1875, t. VII, p. 301—308.

⁵⁴ *Voltaire. Lettre du 25 août 1772.*— In: *Voltaire's Correspondence / Ed. Besterman.*

⁵⁵ *Voltaire. Lettre à l'abbé Baudeau, 1775.*— In: *Voltaire's Correspondence / Ed. Besterman.*

⁵⁶ *Voltaire. Dixième lettre sur le Commerce.*— In: *Voltaire. Lettres philosophiques, 1734.*

ка наций. Таким образом он возрождает древнюю идею о переходе могущества (*translatio imperii*), которую можно обнаружить под его пером в восхвалении им четырех великих царств древности. Для него переход могущества от одного государства к другому совпадает с экономическим явлением перемещения осей торговли⁵⁷.

После Боссюэ, после Монтескье и до Гиббона Вольтер размышляет о судьбах империй и объясняет их превращениями торговых отношений, этих источников цивилизации. Вторжения варваров нарушили этот товарообмен, в то время как Столетняя война (Вольтер не употребляет этого названия, введенного президентом Эно) не разорила Западной Европы. «Страна, богатая продовольствием, никогда не перестанет быть богатой, пока не перестанут обрабатывать землю. Торговцы становятся тем искуснее, чем больше требуется умения, чтобы спастись среди стольких бурь. Примером этому служит Жак Кёр». С ним может сравниться один только Козимо Медичи, и «его мастерство во времена мира было более полезно, чем действия Дюнуа и Орлеанской девы во время войны». Как утверждает Мюратори, ремесла, необходимые для существования человека, сохраняются любой ценой; «ремесленники и купцы, которых их безвестность уберегает от честолюбивой ярости важных лиц,— это муравьи, молча роющие себе жилища, в то время как орлы и грифы раздирают друг друга»⁵⁸.

Этот обмен не только сохраняется, несмотря на любые потрясения, но и остается «последним средством для народов»; зато потом морская торговля «порождает мастерство, вызываемое необходимостью, которая другие нации не побуждает к действию». Так было с голландскими гезами, которые, став мореходами, возвысили свою страну до положения могущественной державы; «эти деятельные и неутомимые республиканцы обеспечили себе исключительное право торговли с Японией, приносившее им особенно большие барыши»⁵⁹.

Став владельцем Ферне, Турне, Эрмитажа, Шателена, расположенных вблизи Женевы, Вольтер стремится применять свои теоретические соображения в области Жекс. Ее естественный рынок сбыта — Женева, но товарообмену мешает таможенный барьер. Ввоз и вывоз зерна во всякое время почти запрещены. «Мемуар о состоянии земледелия в области Жекс», изданный в 1767 г. при участии Вольтера, разъясняет, что вследствие малого плодородия почвы обработка земли требует большого труда и что при таком положении сельские жители продают урожай на рынках Колланжа и Жекса себе в убыток. Не имея возможности продать его в Женеве, они в конце концов оставляют свои земли необработанными, выпущены наниматься на поденную работу и посылают своих детей к часовщикам и гранильщикам драгоценных камней. «Цель этих запретов — создать изобилие зерна в королевстве, стесняя его вывоз, и не допускать голода; но прошлое свидетельствует о том, что таким образом был достигнут обратный результат». Прежде всего помешать вывозу зерна из Франции не удавалось, что повышало его цену; его приходилось доставлять в Женеву через Савойю, что было выгодно ее жителям и лишало жителей Жекса доходов от его перевозки.

При неурожае запреты еще менее обоснованы и приносят еще больший вред. Вместо того чтобы покупать французский хлеб при его провозе через Жекс, его жители, чтобы запастись зерном, вынуждены ездить в Женеву; так было в мае и июне 1747, 1748 и 1749 гг., когда на рынках в Жексе и Колланже было пусто, а на рынке в Женеве зерна было достаточно. В декабре 1770 г. Вольтер обращает внимание своего друга Луи Гаспара Фабри, субделегата Жекса, на повышение цен на белый хлеб. «Голод — это ужас, против которого необходимо принять все меры предосторожности. У нас нет ни яровых хлебов, ни картофеля, чтобы об-

⁵⁷ *Voltaire. Essai sur les moeurs*, t. II, p. 310.

⁵⁸ *Ibid.*, t. I, p. 338, 755—757.

⁵⁹ *Ibid.*, t. II, p. 317, 463, 696.

легчить положение бедняков». Двумя педелями позже он снова выражает беспокойство: надо будет привезти зерно из Лиона и даже из Марсея. «Даст бог, дожди и разливы рек не опустошат соседних провинций»⁶⁰.

Ввоз главных предметов потребления — соли, мяса, виш, ткачей и других — запрещен или облагается повышенными пошлинами. Невозможна никакая торговля. Жекс «в сущности большая и жалкая деревня, где никогда не было ни одной большой лавки». Жители Жекса контрабандой достают все, что можно, из Женевы и таким образом вызывают утечку туда денег. «Одно из наибольших зол и наибольших несчастий для области состоит в том, что крестьяне ездят в Женеву покупать все втридорога и тратят там все деньги, какие только удалось им заработать»⁶¹.

В то время как чиновники казенного откупного ведомства обыскивают проезжих и пользуются отобранными ими товарами, крестьяне презируют этих таможенных досмотрщиков; по рассказам, они конфисковали гарнец овса, предназначавшегося пересекавшей границу ослице, под тем предлогом, что вывоз зерна воспрещен; они забрали пеленки младенца, так как это была ткань из Женевы; в присутствии людей они подняли у монахинь юбки, чтобы обыскать их.

В 1767 г. Вольтер предлагает Шуазелю построить порт на Женевском озере в Версуа, который тогда находился на французской территории; таким образом был бы обеспечен рынок сбыта. Затем, как это уже давно предлагали нотабли, Вольтер рассматривает возможность купить свободу торговли, внося заранее обусловленную сумму откупному ведомству, которое со своими 14 конторами следило за перевозками товаров. Благодаря связям с Тюрго он добивается осуществления этого выкупа: внося в возмещение убытков крупную сумму в 30 тыс. ливров в год, штаты области Жекс взяли в свои руки поставку соли, торговые дела со Швейцарией и Женевой, поддержание в порядке дорог, распределение дополнительных фискальных тягот. Это было административным повешеством, опытом рассредоточения, который будет повторен накануне созыва Генеральных штатов⁶².

В 1776 г. актер Анри Лекэн, создатель главных ролей в пьесах Вольтера, восхищался деятельностью этого старца: «Литература не мешает ему заботиться о работах в своих владениях, о развитии торговли, обо всех средствах обеспечить там счастье, богатство и приятную жизнь»⁶³.

Всеобщее благоденствие требует не только хорошего снабжения, издания соответствующих законов, но и выпуска денежных знаков, многочисленных и доброкачественных монет. В обширных главах «Опыта о нравах» говорится о монетах времен Карла Великого и средневековья. Рассматривая этот вопрос, автор сожалеет об обесценении монет: «Малопомалу короли, будучи в затруднительном положении, то увеличивали в су лигатуру, то уменьшали их вес, так что веледствие изменений, бывших для правительств Европы позором, су, ливр и денье утратили часть своей ценности. Жан Добрый ухудшает качество монеты; испытывая затруднения при уплате выкупа, он должен был продать евреям право заниматься торговлей...». В XIII—XIV вв. от недостатка звонкой монеты страдали Англия, Шотландия, Италия и особенно Франция; флорентийцы, ломбардцы и их агенты-евреи пользовались этим, чтобы взимать ростовщические проценты, доходившие до 20. «Повышенный интерес к деньгам — неоспоримый признак бедности общества». Экономический застой, наблюдавшийся в средние века, был последствием этого недостатка звонкой монеты. В Европе общественный порядок, спокойствие, благополучие семей также нарушались обесценением монеты. Каждый сеньор

⁶⁰ *Voltaire. Lettres à Fabry, 7 et 22 décembre, 1770.* — In: *Voltaire's Correspondence / Ed. Besterman.*

⁶¹ *Caussy F. Voltaire, seigneur de village, 1912, p. 211—220.*

⁶² *Pomeau R. Politique de Voltaire, 1963, p. 20—21.*

⁶³ *Lettre de Henri Lekain, 5 août 1776.* — In: *Voltaire's Correspondence / Ed. Besterman, N D 20 245.*

приказывал бить монету и менял ее название и вес, нанося себе самому ради кратковременной выгоды ущерб на длительное время. Временная необходимость вынуждала королей подавать этот пагубный пример⁶⁴.

Будучи наблюдателем жизни Англии, историком, дельцом, Вольтер так же подходит к вопросу о налоговой системе. В девятом письме «Об управлении» он, по своему обыкновению, ссылается на Англию как на образец. В этом королевстве не существует ни талли, ни произвольно устанавливаемой подушной подати, а обложение основано на действительной стоимости земель, оцененных во времена Вильгельма III. «Налог всегда один и тот же, хотя доходы с земель увеличились; никого не приносят и никто не жалуется. У крестьян ноги не искалечены деревянными башмаками; они едят белый хлеб, хорошо одеты и не боятся увеличить поголовье своего скота или покрыть крышу черепицей из опасения, что на следующий год налоги с них будут увеличены. В Англии многие крестьяне получают от 500 до 600 ливров дохода и продолжают обрабатывать землю, которая их обогатила и на которой они живут свободными»⁶⁵.

В «Опыте о нравах» Вольтер так описывает возникновение прямых налогов. Вплоть до XV в. короли жили на доходы от урожая со своих владений; в связи с войной и голодом Карл VII потребовал от Генеральных штатов введения всеобщей подати: отныне «земледельцы, ранее платившие подать своим сеньорам, чьими крепостными они были, стали платить этот налог одному только королю, чьими подданными они были». Тяжесть этой налоговой системы увеличивалась вследствие возрастающего числа привилегированных. Забывая, что сам он приобрел должность королевского камергера, чтобы избавиться от талли, Вольтер преследует своими сарказмами лиц, незаконно получивших дворянство. Во всяком случае нужно ударить по дворянству, равно как и по духовенству, так как «привилегии всего дворянства, и древнего, и нового, сводятся к уплате подушного налога, вместо талли»; но этот подушный налог «чересчур мал и пропорционально низок сравнительно с размерами имущества сеньоров». Вольтер повторяет свои выводы: надо упразднить «это унижительное различие между бесполезным человеком, получившим дворянство и ничего не платящим государству, и полезным недворянином, платящим талью»⁶⁶. Такие же доводы высказывает он в отношении духовенства, приносящего добровольно дары, несоответствующие его средствам»⁶⁷.

Однако сам он старается избавиться от обложения и никогда не забывает о своих собственных интересах. В 1759 г. он покупает Ферне на имя своей племянницы, мадам Дени, и настаивает перед Шуазелем на том, чтобы она, «дочь королевского советника, инспектора Счетной палаты, вдова господина Дени, дворянина, бывшего капитана полка в Шампани, кавалера ордена св. Людовика, умершего в звании военного комиссара на службе у его величества», была освобождена от налогов, в частности от уплаты двадцатины и подушной подати! В 1762 г., когда он благоустраивает Ферне и думает отказаться от владения поместьем «Делис», он советуется с Ами Компом, компаньоном Жана-Робера Троншена, насчет экономического положения Франции, Европы, даже всего мира. Он осведомляется о реакции специалистов на эдикт и декларацию от апреля 1763 г., которой по настоянию генерального контролера Анри Бертена Людовик XV на другой день после заключения Губертсбургского мира отменил взимание третьей двадцатины и дополнительной подушной подати (он был вынужден установить их в 1760 г., чтобы покрыть расходы на Семилетнюю войну); но в то же время король вводит взимание шестого су на каждый ливр за право откупов, продлевает взимание так называемых добровольных даров городов, распространяет взимание сотого денье с долж-

⁶⁴ *Voltaire. Essai sur les moeurs, t. I, p. 347, 724, 728, 761, 781.*

⁶⁵ *Voltaire. 9e lettre sur le gouvernement.— In: Voltaire. Lettres philosophiques, 1734.*

⁶⁶ *Voltaire. Essai sur les moeurs, t. I, p. 761; t. II, p. 9, 33.*

⁶⁷ *Kotta N. L'homme aux quarante écus: a study of Voltairian themes. The Hague, 1966, p. 38—83.*

ностей и, главное, сохраняет взимание двух первых двадцатин, приказав «незамедлительно приступить к переписи и оценке всех имуществ, находящихся в королевстве», не принимая во внимание привилегий, — чтобы располагать справедливым основанием для распределения всех налогов, за исключением подушной подати⁶⁸.

Об этих мероприятиях, вызвавших противодействие парламентов вроде того, как это было с реформами, которые пытался провести Машо д'Арнувилль или предлагал Силуэтт, дабы установить равенство при распределении налогов и положить конец льготам для дворянства и духовенства, было сообщено в ноябре того же года.

В 1749 г. Вольтер сразу одобрил взимание двадцатины, предложенное Машо д'Арнувиллем; он считал наиболее справедливым решением вопроса постепенное погашение государственного долга поступлениями от прямого налога, несущего равенство людям всех сословий⁶⁹. В 1763 г. Вольтер благопринятно отнесся к программе Бертена и откровенно писал об этом Кампу: «...мне кажется, что королевский эдикт не должен вызывать недовольства и что генеральный контролер выбрал наименее обременительные средства, чтобы уплатить государственные долги. Прошу вас сообщить мне, как эдикт этот был принят, особенно негоциантами, которые, как мне кажется, наилучшие судьбы в упорядочении подобных дел»⁷⁰.

* * *

«Странствующий философ», как он сам себя называет, озабочен окончательным решением вопроса о равновесии между бедностью и богатством. Он должен найти разумный выход: «Среди изобилия и праздности наших городов мы воображаем, что весь мир подобен нам, и не думаем о том, что люди долгое время жили, как и остальные животные, часто едва имея, чем себя прикрыть и чем питаться, даже среди залежей золота и алмазов». Еще в конце средневековья жизнь была суровой даже в Европе: «Почти все дома в городах Франции, Германии и Англии были покрыты соломой. ...Мясо ели только трижды в неделю, вино было редкостью». Всеобщая история свидетельствует о достигнутых успехах и «должна заставить нас почувствовать свое счастье, несмотря на нашу склонность хвалить прошлое и хулить настоящее»⁷¹.

Напротив, развитие человечества внушает уверенность в его будущем и показывает, что государства, как и люди, хозяева своих судеб. Если в Испании в XVII в. жизнь была суровой, то это вина ее политического строя. «В этих благодатных местах не было никакой промышленности, способствующей использованию даров природы: ни шелка Валенсии, ни превосходные шерстяные ткани Андалузии и Кастилии не изготовлялись испанцами собственноручно». Из-за отсутствия инициативы, несмотря на копи Нового Света, королевство Филиппа II обнищало⁷².

То же было и в Риме в эпоху Возрождения. Папы украшали город и поощряли художников. Но если Рим был счастлив благодаря царившему в нем спокойствию и знаменит своими памятниками, то народ жил в нищете. Деньги, послужившие для создания стольких шедевров архитектуры, уходили к другим нациям в ущерб торговле... Есть государства, которых роскошь обогащает; есть и другие, которые от нее беднеют». Вольтер особенно сетует на контраст между богатством кардиналов и нуждой римских граждан. Эта особенность его неприятно поразила уже тогда, когда он обратился к Риму XII в. «Это великолепие, окружавшее прелатов, было тогда еще более ненавистно, чем ныне, так как не существовало

⁶⁸ Marion M. Les impôts directs sous l'Ancien Régime. Paris, 1910, p. 298.

⁶⁹ Voltaire. Lettre à l'occasion de l'impôt du vingtième.— In: Voltaire. Oeuvres complètes/ Ed. Moland, t. XXIII, p. 310.

⁷⁰ Wirz Ch. Du «Squelette des Délices» au «Vieux malade de Fernay.— Musées de Genève, 1978, mai, N 185, p. 2—11.

⁷¹ Voltaire. Essai sur les moeurs, t. II, p. 337, t. I, p. 759.

⁷² Ibid., p. 629.

сословия, среднего между большими и маленькими людьми, между богатыми и бедными. Торговля и промышленность только со временем смогли образовать это среднее сословие, создающее богатство нации»⁷³.

Будучи защитником «средних классов», Вольтер не может мириться с бедностью. «В богатой Индии, как и почти во всех странах мира, простой народ беден». Золото и серебро, ввозимые из Америки, приносят выгоду купцам, правителям, Великому Моголу, но только не народу. «В этой стране, самой богатой из существующих на земле, человеческий труд оплачивается ниже, чем где-либо в другом месте, так как по всей стране платы поденщикам едва хватает на их пропитание и одежду... Дешево стоящая бедность всюду служит богатству»⁷⁴. Наблюдая этот контраст — крайнюю бедность в плодородной стране, наш мыслитель приходит к первому наброску железного закона.

В своем «Философском словаре» Вольтер вспоминает лозунг англичан: «Свобода и собственность»; но прибавляет: «Не все крестьяне богаты, и не нужно, чтобы все они были богаты. Общество нуждается в людях, у которых есть только руки». В конце статьи «Собственность» он предостерегает от любых излишеств: «Этих людей поддержит уверенность в справедливой оплате». Самое главное — побуждать их к деятельности, производительному труду, изобретательности. Насчет колоний в Азии и Бразилии он заявляет: их население, «рассчитывая на золото и алмазы, перестало разрабатывать истинные богатства земли, какими являются земледелие и мануфактуры»⁷⁵.

«Король Вольтер» в конечном счете желает быть оптимистом: цивилизация, просвещение и прогресс мало-помалу утверждаются всюду; они приносят обеспеченность, комфорт и даже роскошь; эта роскошь, явление экономическое и социальное, в XVIII в. составляет предмет споров между философами, экономистами и моралистами. Дэвид Юм в 1752 г. опубликовал «Опыт о роскоши», аббат Плюке в 1786 г. — «Философский и политический трактат о роскоши». Меркантилисты и физиократы выступают друг против друга. В споре участвуют Руссо, Гольбах, Гельвеций. Но Вольтер уже в 1736 г. выступил в «Светском человеке» с апологией роскоши, а через несколько месяцев ответил своим противникам в «Защите светского человека».

В то время как Франсуа Мелон видит в роскоши «из ряда вон выходящую пышность, какую создают богатства и прочное положение правительства», Вольтер определяет ее как «расходы состоятельного человека», как «все то, что выходит за пределы необходимого», как «излишки, которыми может пользоваться лишь небольшое число людей»⁷⁶. Это удовлетворение излишней потребности, это расход, предначертанный для потребления, не представляющегося необходимым. Но Вольтер в противоположность мнению, выдвигаемому Монтескье, полагает, что иногда трудно установить границу между необходимым и излишним; как историк, он утверждает, что новые вещи всегда кажутся излишними: магистраты в первое время осудили как роскошь, ношение рубашки, которое впоследствии стало общепринятым. Излишнее для одного поколения становится необходимым для следующего. Это закон роста потребностей общества. Вольтер также утверждает в своем «Философском словаре», что пользование ножницами для стрижки волос и ногтей вначале казалось оскорблением творца⁷⁷.

«Опыт о нравах» содержит много рассуждений о роскоши на протяжении веков. «Множество изобретений в XIII в. вывело Италию из состоя-

⁷³ Ibid., p. 719; t. I, p. 761.

⁷⁴ Ibid., t. II, p. 783.

⁷⁵ Ibid., p. 367.

⁷⁶ *Voltaire*. Observations sur MM. Jean Lass, Melon et Dutot sur le commerce, le luxe, les monnaies et les impôts, 1738; *Voltaire*. Luxe.— In: Dictionnaire philosophique, 1764.

⁷⁷ *Gaffiot M.* La théorie du luxe dans Voltaire.— In: *Revue d'Histoire économique et sociale*, 1926, t. XIV, p. 320—343.

ний той грубости, которая подобно ржавчине распространилась на Европу после падения Римской империи»; они казались бесполезными: например, «секрет улучшать ослабевшее зрение у стариков применением стекол, называемых очками, ветряные машины, фаянс из Фенза, оконные стекла — все это казалось роскошью, как и зеркала из венецианского хрустала, колесные часы из Болоньи, бумага, изготовлявшаяся в Падуе из размельченного и прокипяченного тряпья. В XIV в. удобства жизни дополнились изобретением свечи и подсвечника... К роскоши повседневного быта прибавляется роскошь украшений, особенно в эпоху Возрождения. «Великолепие Карла V, Франциска I, Генриха VIII, Льва X предназначалось только для дней блеска и торжеств». Но условия жизни оставались суровыми: в Париже еще были деревянные лачуги. «Сеньоры в те времена передвигались только с многочисленной свитой... Их сопровождало более ста лошадей; это было единственным проявлением пышности. Три или четыре человека спали в одной постели и, являясь ко двору, жили в комнате, единственной мебелью которой были сундуки»⁷⁸.

Это стремление к роскоши, которое меняется в зависимости от места и эпохи, представляет собой плод благоприятного общественного устройства и соответствующей экономической деятельности; по мнению Мелона, первобытные общества, в которых нет личной собственности, не знают роскоши. Увеличение количества звонкой монеты не обязательно приводит к появлению роскоши, как это доказано в «Веке Людовика XIV» и как показывает пример Иберийского полуострова. Роскошь порождается именно производительной деятельностью людей и даже чрезмерно; «совершенно очевидно, что изысканные пищевые продукты нам доставляются только благодаря усердному труду земледельцев, работе, оплата которой непрерывно растет». Но также необходимо, чтобы сохранялся мир, так как война поглощает все средства.

Вольтер, как и Мандевиль и Гельвеций, защищает роскошь, движущую силу процветания и благоденствия. В его глазах, умеренность наших предков была необходимостью, а не добродетелью, точно так же, как возврат Цинцинната к обработке земли. Вольтер не разделяет мнения осуждавших наслаждения сурового моралиста Фенелона и мизантропа повеволе Ла Брьюйера. «Те, кто восстает против того, что называют роскошью, всего лишь озлобленные бедняки», — пишет он в 1737 г. прусскому наследному принцу. Но не следует преувеличивать. «Роскошь подобна всем другим удовольствиям; чтобы вполне насладиться ими, надо вкушать их, проявляя некоторую умеренность»⁷⁹.

Роскошь — движущая сила для достижения равенства: она позволяет бедным людям зарабатывать себе на жизнь и ведет к тому, что состояние богатых переходит в руки работающих. «Деньги созданы для того, чтобы они обращались, чтобы они способствовали расцвету всех ремесел... Тот, кто их хранит, — дурной гражданин и даже дурной хозяин. Именно не храня их у себя, человек приносит пользу отечеству и себе самому», — пишет Вольтер в своих «Замечаниях о Жане Лассе». Но и тут надо избегать чрезмерности, что было бы расточительностью. Это заставило бы знатных делать займы, а государство привело бы к инфляции. Роскошь делает существование терпимым. «Мы доживаем до смерти, и терпя во всем недостаток, и наслаждаясь всем тем, что может сделать жизнь приятной». В Канаде дикарь существует в условиях, на какие не согласился бы англичанин.

Роскошь может сопутствовать величию, как это доказывает пример Афии в отличие от Спарты. Падение [Священной] Римской империи было вызвано не роскошью, а раздорами между монахами. Точно так же турки смогли взять Константинополь, потому что там в это время спорили по вопросам богословия. Расходы Людовика XIV на роскошь не ослабили Франции и отвлекли этого государя от войны. Роскошь побуждает к тор-

⁷⁸ *Voltaire. Essai sur les moeurs, t. I, p. 757—761; t. II, p. 166.*

⁷⁹ *Voltaire. Lettre à M. le Chevalier de Coudray, 1773.*

говым сношениям с соседними странами: наши корабли доходят до Ганга, а нашими винами опьяняются султаны. Влечение к роскоши приводит к общности интересов: простая чашка кофе свидетельствует о сотрудничестве между Аравией, Китаем и Новым Светом... Имея в виду Мабли и Руссо, Вольтер в «Опыте о нравах» так заканчивает главу об обычаях XV и XVI вв.: «Только сумасшедший может говорить, что искусства нанесли вред правам; они родились вопреки людской злобе и смягчили нравы даже у тиранов»⁸⁰.

Обращаясь к кантонам Швейцарской конфедерации, Вольтер размышляет о взаимоотношениях уровня жизни и социальной психологии. В XV в. Швейцария, «эта рождающаяся республика, была известна только своей бедностью, простотой и храбростью. Роскошь — алмазы и золотая парча — долгое время была там неизвестна, а когда ее узнали, ее запретили; но единственные богатства, заключающиеся в плодах обработки земли, собирались там руками свободных и победивших людей». После подчеркивания этих достоинств гражданина Женевы, после этого замечания, внушенного физиократами, Вольтер утверждает, что равновесие между изобилием и идеалом свободы и учтивости возможно. «Жизненных удобств там ищут и в наши дни. Все приятности общения и здоровая философия, без которой общество лишено всякой долговечной привлекательности, проникли во все части Швейцарии, где климат наиболее мягок и царит изобилие. Наконец, в этих странах, некогда столь диких, в некоторых местностях удалось сочетать вежливость Афин с простотой Лакедемона»⁸¹.

Такая же забота о равновесии и соблюдении меры проявляется Вольтером в отношении законов о роскоши. Расходы нации на роскошь должны соответствовать ее возможностям и не должны вызывать утечки звонкой монеты, которой бояться со времен Кольбера. Не следует потворствовать новым потребностям, для удовлетворения которых пришлось бы платить чужеземным нациям: мы теряем шесть миллионов, «чтобы совать себе в нос зловонный порошок, ввозимый из Америки»; голландцы могут потреблять корицу, так как монополия ее продажи принадлежит им, но испанцы должны отказываться от этого удовольствия.

Итак, в некоторых случаях законы против роскоши допускать следует. Но они должны быть умеренными и оправданными, без чего они оказываются бесполезными. Во Франции к концу средневековья «ювелирные изделия были грубыми. Так как Людовик XII неблагоразумным законом против роскоши запретил в своем королевстве изготовление золотых и серебряных изделий, французы стали ввозить серебряную утварь из Венеции. Французские ювелиры впали в бедность, и Людовик XII мудро отменил этот закон»⁸². То же произошло и с шелковыми тканями в эпоху Возрождения. «При Генрихе II носить шелковые одеяния дозволялось одним только епископам; князья и княгини пользовались прерогативой носить красную одежду, шелковую или шерстяную; наконец, только князья и епископы имели право носить шелковые башмаки». Такие строгости наносит ущерб ремеслам.

Вольтер полагает, что наука, изучающая политику, возможна, что она может исправлять нравы, всегда считаясь с суровостью естественных условий. Индостан, например, обладает мягким климатом и землей, «которая и без обработки родит самые питательные и самые полезные плоды: финики и кокосовые орехи. Последние легко обеспечивают человека пищей, одеждой и кровом. Впрочем, в чем нуждается житель этого полуострова? Любой рабочий трудится там почти обнаженным; двух локтей ткани вполне достаточно, чтобы прикрыть наготу женщины, не знающей роскоши». Суровость — понятие относительное: «Матрасы, ворохи перьев, двойные занавеси, требующие у нас стольких расходов и забот, были бы нестерпимым неудобством для народов, которые могут спать только под открытым небом и на самой тонкой циновке». Даже пищевой режим зависит от тра-

⁸⁰ *Voltaire. Essai sur les mœurs*, t. II, p. 174.

⁸¹ *Ibid.*, p. 14.

⁸² *Ibid.*, p. 167.

диций, порожденных окружающей средой. «Эти народы нуждаются лишь в освежающей и чистой пище; природа создала для них рощи лимонных, апельсиновых и фиговых деревьев, кокосовых и других пальм и рисовые поля. Даже самый крепкий мужчина может тратить на питание лишь одно или два су. Наш рабочий тратит в день больше, чем какой-нибудь малабарец в месяц»⁸³.

Итак, разум, знания, воля позволяют создавать антропологию, социологию, политологию. Всегда как для народов, так и для отдельных лиц последнее слово остается за трезвостью взглядов. Сделавшись болезненным человеком или разыгрывая из себя больного, Вольтер вызывает сострадание даже у своих противников и умеет заключать важные договоры о пожизненных рентах с сеньорами и князьями, ищущими заимодавцев, которые бы им оказали любезность своей смертью в близком будущем. Вольтер с бесстыдством вставляет в статью «Возраст» в «Вопросах Энциклопедии» описание гигиенических правил, соблюдаемых обладателями пожизненной ренты: «Вероятно, замечено, что обладатели пожизненной ренты живут немного дольше, чем другие люди; плательщики весьма недовольны этим. Причина этого, быть может, в том, что большинство рента — люди здравого смысла, чувствующие себя на своем месте, владельцы бенефиций, холостяки, занятые исключительно самими собой, живущие, как люди, желающие прожить долго. Они говорят: „Если я буду есть слишком много, если я допущу излишества, то моим наследником будет король; заимодавец, который платит мне пожизненную ренту и называет себя моим другом, посмеется, видя, как меня хоронят“. Это останавливает их; они придерживаются режима, живут праздно на несколько минут дольше, чем другие люди»⁸⁴.

* * *

Эмиль Фаге увидел в друге Екатерины II теоретика просвещенного деспотизма, Гюстав Лансон — либерала, снабдившего своей программой III Республику. В 200-летие со дня его смерти мы могли бы увидеть в нем защитника прав человека, противника пыток, апостола терпимости, европейского космополита или человека, доказывающего абсурдность войны.

В избранном нами плане — экономическом, демографическом, социальном — Вольтер представляется нам одним из провозвестников будущего развития. Цель его возвращения на землю не добродетельная идиллия, а удобрение почвы. Его мануфактуры — признаки развития науки и ее промышленного применения. Можно было бы даже сказать, что его теория роскоши предвосхищает построения Кейнса.

Во всяком случае этот неутомимый писатель придал политической экономии новое значение и вес. Когда в 1775 г. появилась его «Диатриба к автору Эфемерид», то Башомон отметил в «Секретных мемуарах»: «Этот великий человек убеждает своим уверенным энтузиазмом, который он всегда передает читателю, и экономисты должны радоваться тому, что в его лице они приобрели апостола, который лучше, чем все они вместе, будет способствовать распространению науки своим колдовским искусством привлекать к изучению всевозможных предметов самых пустых людей и заставлять их читать его труды»⁸⁵.

Франсуа Мари АРУЭ (ВОЛЬТЕР)

21.11.1694 — 30.05.1778

собрание материалов, ему посвященных

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#V>

⁸³ Ibid., t. I, p. 233.

⁸⁴ *Voltaire*. Questions sur l'Encyclopédie (1771).— In: *Voltaire. Oeuvres complètes*/ Ed. Moland, t. XVII, p. 80.

⁸⁵ *Bachumont L. de*. Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la République des Lettres en France, 6 juillet 1775. Paris, t. 8, p. 107.